

О. В. ШУГАН

**«Золотой сон» и нирвана:
отражение буддийских идей
в пьесе М. Горького «На дне»***

На свете счастья нет,
Но есть покой и воля...

*Пушкин А. С.
«Пора, мой друг пора». 1834 г.*

«На дне» — философская драма, в которой поднимаются вечные проблемы: о человеке и смысле его жизни, о счастье, о правде и лжи. Эта пьеса многомерна и как всякое великое произведение допускает множество трактовок и интерпретаций. О философском содержании «На дне» заговорили с самого начала, на рубеже XX–XXI веков в литературоведении наметилась тенденция расширения философского содержания пьесы, углубления ее гуманистического общечеловеческого смысла. В это время появились интересные статьи, по-новому трактующие основной конфликт пьесы, ее содержание. Б. Удодов рассматривал пьесу как полифоническую драму¹, пьесу сравнивали с поэмой Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» (М. Г. Уртминцева²), с философскими диалогами Платона и софистов (Г. Д. Гачев, О. В. Богданова³), представляли как отражение спора Ницше и Вл. Соловьева (И. Г. Минералова⁴), как

* Переработанный вариант статьи «Проблема счастья в пьесе М. Горького «На дне» // Драматургия М. Горького в историко-функциональном аспекте (материалы и исследования). Вып. 13. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 12–44.

¹ Удодов А. Б. Пьеса Горького «На дне»: художественная структура и авторская концепция человека. Изд-во Воронежского ун-та, 1989.

² Уртминцева М. Г. Философия человека в пьесе М. Горького «На дне» и поэме Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» (опыт сопоставительного анализа) // Ранний М. Горький: Горьковские чтения — 1992: межвуз. сб. НГГУ им. Н. И. Лобачевского. Н. Новгород, 1993. С. 172–173.

³ Гачев Г. Д. Человек против правды в пьесе «На дне» // Неизвестный Горький. Горький и его эпоха. Материалы и исследования. Вып. 3. М.: Наследие, 1994. С. 207–270; Богданова О. В. «Картины» Максима Горького «На дне»: новейшая интерпретация. СПб: СПбГУ, 2016.

⁴ Минералова И. Г. Философский спор о человеке в драме М. Горького «На дне» (В. Соловьев и Ф. Ницше) // Проблемы эволюции русской литературы XX века. Материалы межвуз. науч. конф. Вып. 2. М.: МПГУ, 1995. С. 140–142.

предтечу экзистенциальной философии (Г. Д. Гачев, П. Д. Басинский, Н. Н. Примочкина⁵).

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть пьесу «На дне» сквозь призму философии буддизма⁶, который приобрел большую популярность в Европе и России на рубеже XIX–XX вв., вместе с другими восточными религиями. «На рубеже XIX–XX столетий буддийские образы заняли устойчивую нишу в русской литературно-эстетическом и философском творчестве, став элементом ориентальной мифологии в индивидуально-творческом преломлении», — пишет Р. Ф. Бекметов⁷. Констатируя интерес Горького к нищезанятию, философии космизма Н. Ф. Федорова, дружбу с символистом и теософом Л. Н. Андреевым, коллекционирование мелкой японской пластики и буддийской скульптуры, историк искусства К. Н. Гаврилин высказывает предположение, что «необуддизм или теософия не обошли стороной и этого человека»⁸. Хорошая осведомленность М. Горького в философии Востока позволяют говорить о проникновении идей буддизма в художественное творчество Горького, как камертон, улавливавшее духовные запросы своей эпохи. Буддизм воспринимался писателем во многом через призму западной философии, в первую очередь, Ницше, Шопенгауэра и Гартмана, с творчеством Ницше и Шопенгауэра он к концу XIX века уже был знаком (например, книгу «Афоризмы и максимы» он приобрел в 1895 г., за несколько лет до написания пьесы). Пометы Горького на полях книг этих авторов свидетельствуют о том, что он улавливал четкую связь между идеями немецких философов и буддизмом⁹. Вскоре пи-

⁵ Гачев Г. Д. Человек против правды в пьесе «На дне»; Басинский П. В. Максим Горький // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов). М. ИМЛИ РАН, 2001; Примочкина Н. Н. Экзистенциальные мотивы пьесы «На дне» // Человек и мир в творчестве М. Горького. Горьковские чтения — 2006. Н. Новгород, 2008. С. 19–24.

⁶ Шуган О. В. Буддийские мотивы в пьесе М. Горького «На дне» (к вопросу национального и интернационального) // Горький и современность: Роль литературы в формировании духовной культуры общества. Коллективная монография. Казань: КазГИК, 2017. С. 157–163.

⁷ Бекметов Р. Ф. Несколько замечаний к проблеме «буддизм и русская литература XIX века» // Филология и культура. 2013. № 3. С. 173.

⁸ Гаврилин К. Н. «Святылища» русской теософии (от Черного моря до острова Капри) // Максим Горький и художественная культура символизма. К 100-летию «Сказок об Италии». М.: Азбуковник, 2017. С. 59.

⁹ Вишневецкая Н. А. Индологические книги в личной библиотеке М. Горького // Горький и литературы зарубежного востока. М.: Наука, 1968. С. 296–303; Белкин Д. И. Восток в дореволюционном творчестве М. Горького // М. Горький и литературы зарубежного Востока. М.: Наука, 1968. С. 248–280.

сатель познакомился с буддологической литературой¹⁰. Самая ранняя из книг, прочитанных им о буддизме — «Религии древнего мира» архиепископа Хрисанфа¹¹, которая сохранилась в Личной библиотеке Горького. Вероятно, одними из первых собственно буддийских книг, прочитанных Горьким, были «Сутта-Нипата» (1899) и «Буддийские сутты» (1900). На интерес Горького к буддизму сильно повлиял Л. Толстой в конце 1901 — начале 1902 г., о чем пойдет речь ниже, в связи с анализом образа Луки. Толстому принадлежит огромная роль в популяризации философии Востока. Многие современники, например, Вл. Соловьев и Н. А. Бердяев, улавливали сходство философии Толстого с буддизмом. Так, Бердяев писал: «Я всегда думал, что мировоззрение Толстого не христианское, скорее буддийское»¹². Это подтверждает в своих воспоминаниях Горький, когда пишет, что Толстой советовал ему «прочитать буддийский катехизис» (XVI, с. 262). Изучение буддийской философии шло параллельно с началом работы над пьесой «На дне» (конец 1901 г.), что повлияло на идейно-тематическое содержание драмы и воплотилось в образе Луки.

Судя по пометам на книгах о буддизме А. Введенского, О. Ковалевского, Г. Ольденберга, Ф. Щербатского, хранящихся в Личной библиотеке Горького, писателя интересовали не отдельные детали, а сущность этого учения в целом, так как оно оказалось важным для идейно-эстетических устремлений писателя. Можно говорить о том, что он продолжил критическую линию в освоении западно-европейской философией буддизма. К сожалению, ранних отзывов писателя о буддизме не сохранилось, но судя по более поздним оценкам, выраженным в статьях и письмах, отношение его было скорее негативным. Наиболее яркий отзыв содержится в письме синологу и писателю И. Д. Сургучеву в 1912 г., в котором Горький подтвердил знакомство с буддологической литературой, но отнесся к ней скептически: «...все это купно с Шопенгауэром, который значительно красивее и проще, — не нравится мне. Очевидно — необходимо быть индусом и жить в жарком, влажном климате, где тело должно ощущать таяние, — тогда, может быть, эта желтая скука будет понятна.

¹⁰ *Вишневская Н. А.* Индологические книги в личной библиотеке М. Горького // Горький и литературы зарубежного востока. М.: Наука, 1968. С. 296–303.

¹¹ *Хрисанф.* Религии древнего мира в их отношении к христианству. Т. 1. (религии Востока). СПб., 1873–1878 (хранится в ЛБГ с пометами Горького; ОЛБГ, 5184).

¹² *Бердяев Н. А.* Лев Толстой // Бердяев о русской философии: в 2 ч. Ч. 2. Свердловск: Изд. Уральского ун-та, 1991. С. 38.

Бегите от Востока — пора. Кстати — он исчезает, погружаясь в арийскую культуру, с ее активной верою в будущее, чем она ценна, и дорога мне.

Бессмертие? Не надо. Не хочу»¹³.

Эта цитата недвусмысленно показывает отношение Горького к буддийской религиозной философии. Буддизм, как и Восток в целом, для Горького был понятием аксиологическим: он искал в буддизме корень нашего «зла», истоки «восточной души» русского человека, которая проявлялась, по мысли писателя, в пассивности, лени, нигилизме, мистицизме, созерцательности и фатализме.

Несмотря на внешнее неприятие, в философии Горького можно найти много черт, роднящих ее с буддизмом: восприятие мира как колеса Сансары, как юдоли горя и бедствий, мечта о счастье и стремление осчастливить человечество как основной импульс его творчества, отрицание «тьмы низких истин», т.е. реальности, неприятие правды, преодоление антиномии «мечта-действительность» в пользу мечты или иллюзии — «возвышающего обмана», идея самосовершенствования. Также Горький как богоборец, выделял буддизм как религию без Бога, в которой на месте Бога был поставлен человек. От Ницше Горький унаследовал крайний индивидуализм, интерес к сверхчеловеку, который берет свое начало в индийском учении о человекобоге, т.е. Будде. Горький обожествлял человека, ставил его не только над природой, но и над всем бытием. Такой подход нашел выражение в поэме «Человек» (1903), посвященной сверхчеловеку, который, «свободный, гордый», «мужественно движется — вперед! и — выше! — по пути к победам над всеми тайнами земли и неба», «далёко впереди людей и выше жизни» (VI, с. 35–36).

К. Чуковский, один из наиболее проникательных критиков Горького, назвал его «искателем счастья»: «счастье для него дороже правды, святее Бога, — и если Бог не даст человечеству счастья, Горький забракует такого никчемного Бога. И если правда не даст человечеству счастья, то да здравствует ложь! Когда лукавый Лука в его пьесе “На дне” самым беспардонным враньём осчастливил на минуту людей, Горький дал ему свое благословение: “чем хочешь, только осчастливь и обрадуй!” <...> Он знает: человек — это боль, которую нужно утишить. Остальное его не занимает нисколько. Здесь вся его воля, все его мысли. Даже Бог необходим ему постольку, поскольку он — исцелитель страданий»¹⁴.

¹³ Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: в 24 т. Т. 9. М.: Наука, 2002. С. 240.

¹⁴ Чуковский К. И. Две души М. Горького // Чуковский К. И. Собр. соч.: в 15 т. Т. 8: Литературная критика. 1918–1921 / предисл. Е. Ивановой; комм. Е. Ивановой и Б. Мельгунова. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2004. С. 189–196.

В буддизме человеческая жизнь воспринимается как цепь бесконечных страданий, а основная цель учения — избавление живых существ от страдания и достижение счастья. Рассмотрим, как реализуется эта идея в «На дне». «Подвал, похожий на пещеру», в котором живут герои пьесы — это мир сансары, беспросветного ужаса, жестокости, мир, в котором присутствуют все грехи мира: брань, насилие, драки, пьянство, проституция, карточная игра, воровство и т.д. В афористичной форме состояние ночлежников передает Бубнов: «Такое житье, что как поутру встал, так и за вытье...» (VII, с. 123). В книге «Афоризмы и максимы» А. Шопенгауэр приводит следующее буддийское изречение: «Это есть сансара, мир похоти и вожделения, а потому мир рождения, болезни, одряхления и умирания; это есть мир, который не должен бы был существовать. И это здесь есть народ сансары. Чего же, следовательно, ожидать лучшего?» (Гл. 12. К учению о страданиях мира)¹⁵.

Одна из четырех святых истин, высказанных Буддой — это истина о том, что желания есть источник страданий, и прекращение желаний, соответственно, ведет к уничтожению страданий. А. Шопенгауэр в книге «Мир как воля и представление» утверждал, в соответствии с теорией буддизма, что всякое страдание происходит от несоответствия наших требований и ожиданий тому, что нам дается: «Не бедность рождает печаль, а желание»¹⁶. В пьесе один за другим желающие и страдающие герои терпят фиаско: (Актер, Пепел, Наташа). В противовес этим желающим, живым героям, в пьесе показаны те, кто достиг свободы от каких-либо целей. Это Сатин, Бубнов и Лука. По мнению Г. Гачева, они уже пребывают в нирване. В образе Алешки Горький показывает вывернутое наизнанку желание. Г. Гачев справедливо усматривал в его речах горящее острое желание. «“Не хочу!” как крик уже есть могучее и страстное: “Хочу!”», — замечает исследователь¹⁷. «Нужно, друг мой, ко всему относиться равнодушно, не портя себе жизни философией и не ставя никаких вопросов», — учит ротмистр Кувалда, хозяин ночлежки в рассказе «Бывшие люди» (III, с. 282), написанном за пять лет до пьесы «На дне», в 1897 г. Что это, как не выражение буддистских религиозных идей об угасании воли, совпадающих с русской доморощенной философией?

Обитатели ночлежного дома, босяки — тип, хорошо знакомый Горькому: он провел с ними многие месяцы своей жизни в Казанских

¹⁵ Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы. СПб., 1892. Т. 1, 2., 1895. Т. 3. С. 351.

¹⁶ Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости / Пер. Ю. И. Айхенвальда // Шопенгауэр А. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. М.: Московский клуб, 1992. С. 118.

¹⁷ Гачев Г. Д. Человек против правды в пьесе «На дне» // Неизвестный Горький. Горький и его эпоха. Мат-лы и иссл. Вып. 3. М.: Наследие, 1994. С. 250.

трущобах, встречал в Нижнем Новгороде на ул. Миллионная, где жили «золоторотцы», а также во время странствий по Руси. Писатель наблюдал у этих опустившихся людей такие качества, как пассивность, самоотрицание и «полная утрата воли». Он признавался в письме к начинающему писателю П. Х. Максимову, что любит «людей действующих, активных, кои ценят и украшают жизнь хоть мало, хоть чем-нибудь, хоть мечтою о хорошей жизни. Вообще русский босяк — явление более страшное, чем мне удалось сказать, страшен человек этот прежде всего и главнейше — невозмутимым отчаянием своим, тем, что сам себя отрицает, извергает из жизни»¹⁸.

Многие горьковские персонажи украшали действительность «мечтою о хорошей жизни». Вспомним Чижа из рассказа «О Чиже, который лгал и о дятле — любители истины», который спросил, «на что нужна <...> правда, когда она камнем ложится на крылья?» Стоя на распутье между жестокой правдой и спасительной ложью, Горький склонялся в сторону мечты, от которой крылья вырастают, а не опускаются. Эта идеологическая установка Горького в определенной степени совпала с картиной мира индийской религиозно-философской мысли.

Одна из истин, высказанных Буддой, гласит, что видимый окружающий мир есть иллюзия. Буддизм «вводит понятие о “призрачности” (майя) мира. Мир — призрак <...> кажущееся бытие мира — это игра Браммы призраком», — говорится в предисловии к книге Г. Ольденберга¹⁹. Разрубить узел иллюзии можно путем просветления. Хрисанф писал, что «мир (сансара) в существе своем есть пустота, ничтожество; по своей форме — обманчив, призрачен; по своим действиям — губителен»²⁰. «Бытие мира, говорил Будда, <...> это один вид, призрак, лак, — нигде и ни в чем нет самостоятельности»²¹. Реальный мир в пьесе — мир обмана, лжи. Сестра Сатина пала жертвой обмана афериста, сам Сатин — карточный шулер, Бубнов подделывал мех, перекрашивая собак в енотов, кошек в кенгуру и выхухоль. Настя продает свою любовь за деньги, Барон — ее сутенер, в основе профессии Актера лежит обман, игра. Васька Пепел ворует, а Костылев и Василиса занимаются скупкой и перепродажей украденных Пеплом вещей. У Барона от прошлого остался в голове «туман»: «с той поры,

¹⁸ Горький М — П. Х. Максимову от 10 (23) декабря 1910 г. // Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 8. М.: Наука, 2001. С. 212.

¹⁹ *Ольденберг Г.* Будда, его жизнь, учение и община. М.: Изд. К. Т. Солдатенкова, 1884. С. VII.

²⁰ *Хрисанф.* Религии древнего мира в их отношении к христианству. С. 402.

²¹ Там же. С. 396.

как я помню себя... у меня в башке стоит какой-то туман. Никогда и ничего не понимал я» (VII, с. 177). Прошлая жизнь вспоминается Барону как цепь переодеваний («мне кажется, что я всю жизнь только переодевался... а зачем?») (VII, с. 177). Настя прозревает истину, когда кричит: «Врешь! Не было этого! <...> Не было карет! <...> Не было деда! Ничего не было!» (VII, с. 174). «Бумажки они все никуда не годятся», — говорит Лука Барону, когда тот упоминает имеющиеся у него документы о дворянстве. «Ничего нет! — говорит Актеру Сатин в ответ на мечты Актера о лечебнице для «органонов», — Нет городов, нет людей, ничего нет!» (VII, с. 148). В каноническом тексте буддистов приводится следующее изречение Будды: «Смотри на этот мир, как на пузырь. Смотри на него, как на мираж. Такого человека не видит владыка смерти»²². Читая труд А. Введенского (1902), Горький отчеркнул следующую фразу: «Буддизм есть не только атеизм без Бога, но атеизм без природы. На место Браммы и природы у него становится пустота и призрачность или, как сказали бы мы, Ничто... Мир возникает из пустоты <...>. Все же, что лежит между этими началом и концом, — все это обман»²³.

Согласно учению буддизма, реальный мир оказывается лишь призрачным миром Майи, покрывалом, наброшенным на мир. По словам Г. Ольденберга, «Майя есть призрачное отражение вечного истинного бытия»²⁴. И. Анненский в своей прекрасной статье о «На дне» увидел в пьесе «мистическую реальность»: неуловимость контуров, загадочность масок, внутреннее несоответствие героев их положению. Критик, увлеченный буддизмом, обнажил нравственную суть героев, их «истинное бытие»: «Шулер, побитый за нечистую игру и одурманенный водкой, страстно, хотя и с надрывом, говорит об истинах, которые волнуют лучшие умы человечества. Старик, которого в жизни только мяли, выносит из своих тисков незлобивость и свежесть. Двадцатилетняя девушка, которая не видела в жизни ничего, кроме грязи и ужаса, сберегает сердце каким-то лилейно чистым и детски свободным. А Пепел, этот профессиональный вор, дитя острога и в то же время такой нервный, как женщина, стыдливый и даже мечтательный»²⁵. Анненский назвал жизнь героев пьесы «грязным налетом на свободной человеческой душе», именно это несоответствие, по его мнению, «придает реализму Горького

²² Дхаммапада. С. 81.

²³ Введенский А. Религиозное сознание язычества. М., 1902. С. 564.

²⁴ Ольденберг Г. Будда, его жизнь, учение и община. М.: Изд. К. Т. Солдатенкова, 1884. С. 199.

²⁵ Анненский И. Драма на дне // Анненский И. Книги отражений. М: Наука, 1979. С. 72.

особо фантастический, а с другой стороны, удивительно русский колорит»²⁶.

Истинное бытие проглядывает в вымышленных историях любви Насти к Раулю и Гастону, в рассказе Луки о «праведной земле». Можно ли говорить, что праведной земли не существует, если ее идея исходит из недр народной души? Беловодье, Опоньское царство отражали вековечную мечту русского человека о царстве справедливости и счастья. «У раскольников выросло немало различного рода утопий, — писал И. Кузьмичев, — в том числе и мечта о Беловодье, о стране, где в “ненарушимом виде”, во всей полноте и красе сияет “древнее благочестие”»²⁷. Прозрение у буддистов достигается погружением в нирвану, а в пьесе «На дне» буддистская нирвана названа «золотым сном» из стихотворения Беранже:

Человек, если к правде святой
Мир дороги найти не сумеет,
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой.

Основная теория буддизма заключается в утверждении, что причина счастья — в том, чтобы творить добро другим. Читая книгу «Афоризмы и максимы» Шопенгауэра, Горький отметил слова о том, что все поступки людей проистекают или из жестокости, или из эгоизма, или из сострадания, причем «истинную нравственную ценность имеют только поступки, исходящие из последнего источника, и чем меньше человек полагает различия между своей особою и ближним, тем лучше»²⁸. На полях книги писатель сделал помету: «буддизм». Идея сострадания, помощи и делания добра привносится в пьесу с появлением Луки, человека из другого, «верхнего» мира. Вспомним его слова о том, что, если ты не сделал ничего хорошего никому, значит, ты поступил дурно. Милосердие, забота, проявляемые по отношению к умирающей Анне, к запугавшемуся Пеплу, к неустроенной Наташе, к падшей Насте, спившемуся Актеру, говорит о том, что в каждом человеке он усматривает Божью искру.

Как мы уже говорили, на создание пьесы большое влияние оказал Л. Толстой и беседы с ним, проходившие в Крыму в 1901–1902 гг.,

²⁶ Там же.

²⁷ Кузьмичев И. К. Пьеса А. М. Горького «На дне» и современность // Вопросы горьковедения (Пьеса «На дне»). Межвузовский сборник. Горький, 1977. С. 23.

²⁸ Вишневская Н. А. Индологические книги в личной библиотеке М. Горького. С. 296.

так как Горький зимой жил в Олеше, рядом с Гаспррой, где в 1901 г. поселился Толстой. Магнетизм личности Толстого, его «богоподобность», способность внушать и убеждать повлияли на молодого писателя. В это время они сильно сблизились, о чем вспоминает сам Горький: «Он много раз и подолгу беседовал со мною, когда жил в Крыму, в Гаспре, я часто бывал у него, он тоже охотно посещал меня» (XVI, с. 287). В очерке «Лев Толстой» упоминаются идеи, которыми Толстой был увлечен, разговоры о религии, вере, буддизме и христианстве, непротивлении злу насилием. Именно в это время Толстой глубоко изучал буддизм, переводил буддийскую литературу. В 1906 г. он издал жизнеописание Будды. Писатель, будучи противником западной цивилизации, «открыл для себя в буддийском учении очень много того, что искал сам: призыв к добру, ненасилию, состраданию и гармонии с окружающим миром»²⁹. По совету Толстого, как мы уже упоминали, Горький начал читать книги по восточной философии. Возможно, пик интереса Горького к буддологической литературе приходится именно на конец 1901 г. — начало 1902 г. Горький вспоминал, что Толстой проводил параллель между Христом и Буддой в части служения людям. «— Христос был свободен, Будда — тоже, и оба приняли на себя грехи мира, добровольно пошли в плен земной жизни. И дальше этого — никто не ушел, никто» (XVI, с. 262). Толстой говорил о Достоевском: «Ему бы познакомиться с учением Конфуция или буддистов, это успокоило бы его. Это — главное, что нужно знать всем и всякому» (XVI, с. 299).

В поздних воспоминаниях Горький признался, что хотел изобразить в Луке проповедника толстовского типа, однако не сумел сделать его таким (XVI, с. 293). «Лука есть проекция философского спора Горького с Львом Толстым периода 900-х годов, и один из первых в творчестве Горького случаев превращения идеи в персонаж, в фактуру художественного текста»³⁰, — высказывает предположение Е. Р. Матевосян. В мыслях и словах Луки Е. Р. Матевосян справедливо усматривает рецепцию взглядов Л. Толстого. Сравнивая первые реплики Луки во время появления его в ночлежке с характеристикой, данной Горьким Льву Толстому в очерке «Лев Толстой», Е. Р. Матевосян тонко подмечает, что оба уподобляют людей насекомым. «...По-моему, ни одна блоха не плоха, — говорит Лука: все — черненькие, все прыгают» (VII, с. 120).

²⁹ Уланов М. С. Буддизм в истории русской философии XIX — первой половины XX вв. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2003. С. 43.

³⁰ Матевосян Е. Р. Философский подтекст образа старца Луки в пьесе Горького «На дне» // М. Горький и современность: интеграция в культурное пространство. Казань: Изд-во Каз. гос. ун-та культуры и искусств, 2013. С. 130.

В очерке «Лев Толстой» Горький пишет: «Он часто казался мне человеком непоколебимо — в глубине души своей — равнодушным к людям, он есть настолько выше, мощнее их, что они все кажутся ему подобным мошкам, а суета их — смешной и жалкой» (XVI, с. 290). Толстой напоминает Горькому «странников с палочками, которые всю жизнь меряют землю, проходя тысячи верст от монастыря к монастырю, от мощей к мощам, до ужаса неприютные и чужие всем и всему. Мир — не для них, бог — тоже <...>. Люди — пеньки, корни, камни по дороге, — о них спотыкаешься, и порою, от них чувствуешь боль» (XVI, с. 266).

За видимым равнодушием Луки кроется буддистское спокойствие, ненарушимое никакими внешними взрывами и катаклизмами (обычные в ночлежке крики, драки, ругань, оскорбления). Он почти всегда избегает оценок, особенно отрицательных, проявляет терпимость ко всем, даже по отношению к хозяевам. Лука, как и Будда, никому не навязывает свой путь, он только указывает на него и дает каждому свой рецепт счастья, причем делает это в восточном стиле, его проповеди принимают форму иносказаний, притч, сравнений и подобий. Очень интересно, в буддистском ключе, проанализировал образ Луки А. Амфитеатров. «Для Луки мир — зыбкое волевое представление, — писал критик. — Мировая Майя пляшет и веет своим покрывалом: Лука из тех, кто воображает, что, если Майя пляшет худо, спотыкается, сбилась с ноги, то во власти человека, который видит Майю во сне, научить ее лучшей пляске. Он примирился с идеей, что “праведной земли” нет на свете, но уверен, что можно выработать человеческими усилиями землю, много лучшую, чем она есть»³¹.

В репликах персонажей пьесы «На дне» можно найти прямые параллели с буддийскими текстами.

<p>«Пепел. <...> Слушай, старик: бог есть? <...> Лука. Коли веришь, — есть; не веришь — нет... Во что веришь, то и есть...» (Акт второй. VII, с. 140)</p>	<p>«Когда один из учеников Будды, Малункяпутта, добивался от него разрешения недоумения “существует ли Совершенный после смерти или нет”, Готамо ответил “нельзя сказать, что он существует, но нельзя сказать, что он не существует; нельзя, наконец, сказать, что он существует и не существует после смерти”» (Лосский Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М., 1995. С. 264).</p>
---	--

³¹ Амфитеатров А. В. «На дне» // Амфитеатров А. В. Литературный альбом. 2-е изд. СПб., 1907. С. 49.

<p>«Лука. Тюрьма — добру не научит, и Сибирь не научит... а человек — научит... да! Человек — может добру научить... очень просто!» (Третий акт. VII, с. 155)</p>	<p>«Ибо никогда в этом мире ненависть не прекращается ненавистью. Ненависть прекращается любовью. Таков извечный закон» (Дхаммапада / с комм. и поясн. Д. Магуира / Пер. с англ. А. Блейз. М.: ООО «Изд. дом «София», 2005. С. 27)</p>
<p>«Анна. А как там — тоже мука? Лука. Ничего не будет! Ничего! Ты — верь! Спокой и — больше ничего! <...> Анна (задыхаясь). Дедушка... милый ты... кабы так! Кабы... покой бы... не чувствовать бы ничего... Лука. Не будешь! Ничего не будет! Ты — верь! Ты с радостью помирай, без тревоги... Смерть, я те говорю, она нам — как мать малым детям...» (VII, с. 137).</p>	<p>«Нирвана <...> также есть <i>пустота</i>, но она уничтожает обольщение и освобождает от зла» (Хрисанф. Религии древнего мира в их отношении к христианству. Т. 1–3. СПб., 1873–1878. Т. 1. С. 402).</p>
<p>«Бубнов. Люди все живут... как щепки по реке плывут... строят дом... а щепки прочь...» (VII, с. 140).</p>	<p>«Люди подобны бревнам плота, плывущего по морю, пришла буря, разбила плот, разогнала по морю бревна, и им уже никогда не встретиться — на мгновение люди сходятся и расстаются навсегда» (Ольденбург С. Жизнь Будды, индийского учителя жизни. Пг., 1919. С. 36).</p>
<p>«Лука. Все мы на земле странники...» (Акт первый. VII, с. 123).</p>	<p>«Мать сказала: “Жизнь — гостиница, сегодня пришел человек, завтра уйдет”» (Ольденбург С. Жизнь Будды, индийского учителя жизни. С. 36).</p>
<p>«Сатин. <...> Что такое человек?.. Это не ты, не я, не они... нет! — это ты, я, они, старик, Наполеон, Магомет... в одном! (Очерчивает пальцем в воздухе фигуру человека) Понимаешь? Это огромно! В этом все начала и концы... Всё — в человеке, все для человека! Существует только человек, все же остальное — дело его рук и мозга! Человек! Это — великолепно! Это звучит... гордо! Че-ло-век» (Четвертый акт. VII, с. 177).</p>	<p>«В буддизме вырабатывалась мысль <...> что если общее живет только в частном, и если сознательная жизнь божества проявляется только в человеке, — то человек и есть высшее существо мира, он и есть божество <...>. На месте человеческого ничтожества, вдруг и незаметно в буддизме выросло величие человека. На место божества стал сам человек, возвысившийся над всеми прежними богами» (Хрисанф. Религии древнего мира в их отношении к христианству. С. 409–410, 437).</p>

<p>«<i>Сатин</i>. <...> Вот, скажем, живут столяры и всё — хлам-народ... И вот от них рождается столяр... Такой столяр, какого подобного и не видала земля, — всех превысил, и нет ему во столярах равного. <...> Всяк думает, что для себя проживает, а он выходит, что для лучшего! По сту лет... а может, и больше — для лучшего человека живут!» (VII, с. 173–174).</p>	<p>«Гении, герои и святые индивидуально участвуют в созидании исторического процесса и участвуют в бесконечно большой степени, тогда как «простые смертные» участвуют тоже, но незаметно и в бесконечно малой степени. Всякий, однако, имеет свое место в вечной, или абсолютной, памяти, в царстве духа, в идеальном царстве, где ничто принципиально не пропадает — ни один образ, ни одна ценность, ни одна идея, ни одна индивидуальность» (<i>Вышеславцев Б. П.</i> Бессмертие, перевоплощение и воскресение // <i>Азбука веры</i>, интернет-портал [Электронный ресурс] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Boris_Vysheslavcev/bessmertie-perevoploshenie-i-voskresenie).</p>
<p>«<i>Бубнов</i>. Все так: рождаются, проживут, умирают. И я помру... и ты... Чего жалеть?» (VII, с. 147).</p>	<p>«Нет средств, которыми родившиеся могли бы избегнуть смерти; приходит старость — близка и смерть; такова участь всего живущего» (<i>Сутта-Нипата</i>. Сборник бесед и поучений. Буддийская каноническая книга / Пер. с пали на англ. д-ра Фаусбелля; пер. с англ. Н. И. Герасимовой. М.: Алетея, 2001. С. 156).</p>
<p>«<i>Барон</i>. <...> При Николае первом дед мой, Густав Дебель... занимал высокий пост... Богатство... сотни крепостных... лошади... повара...<...> (<i>кричит</i>) Дом в Москве! Дом в Петербурге! Кареты... кареты с гербами! <...> <i>Сатин</i>. <...> Забудь о каретах дедушки... в карете прошлого никуда не уедешь...» (VII, с. 175).</p>	<p>Ветшают блистательные колесницы царей. <...> Иди, взгляни на этот мир, сверкающий как царская колесница. Глупец погружен в него, но мудрый к нему не привязан (Дхаммапада. С. 73, 81). «То, чем дорожит человек, о чем думает: “Вот это мое”, — разве удержит он у себя, умирая? Пойми это, и следуя по моим стопам, не задумываясь более о покинутом мире» (<i>Сутта-Нипата</i>. С. 197).</p>
<p>«<i>Лука</i>. <...> Сколько это разного народа на земле распоряжается... и всякими страхами друг дружку страшает, а все порядка нет в жизни... и чистоты нет...» (Первый акт. VII. С. 127).</p>	<p>«Когда я увидел, вот мечутся люди, как рыба в садке, где мало воды, вот они ставят помехи в жизни друг другу, — на меня напал страх» (<i>Сутта-нипата</i>. С. 217).</p>

Согласно буддизму, счастье достигается вступлением на путь. Странник Лука уже вступил на этот путь и предлагает другим последовать за ним, но в буддизме учитель никогда не навязывает свою волю, каждый сам отвечает за себя («за все платит сам»). Буддийская притча рассказывает о том, как в городе Саватхи в Северной Индии, где был центр медитации, Будда так объяснял одному молодому ученику суть пути: «Ходят ко мне и ходят, зная, что есть человек, прошедший путь отсюда до Нирваны, знающий этот путь досконально. Приходят ко мне люди и спрашивают: каков путь к Нирване, к Освобождению? Что мне скрывать? Я объясняю им этот путь ясно: вот он, этот путь. Если кто-нибудь только кивает головой и говорит: хорошо сказано, хорошо сказано, хороший путь, но я не сделаю по нему ни шагу, замечательный путь, но я не возьму на себя труд идти туда, — тогда каким образом такой человек может достичь конечной цели?

Я никого на плечах к конечной цели не несу. Никто не сможет принести другого на плечах к конечной цели. Самое большое — можно сказать с любовью и состраданием: вот он этот путь, а вот так я прошёл по нему; работайте и вы, идите и вы — и дойдёте до конечной цели. Но каждый должен идти сам, сам сделать каждый шаг на пути. Тот, кто сделал шаг по этому пути, оказывается на шаг ближе к цели. Тот, кто сделал сто шагов, оказывается ближе к цели на сто шагов. Прошедший все шаги дошёл до конечной цели. Но идти по пути вам надо самим»³². «Все герои сходятся на том, что Лука вселил в их души ложную надежду, — пишет М. Голубков. — Но ведь он и не обещал вывести их со дна жизни — он просто вселил в них надежду на то, что выход есть и что он открыт для них»³³. Важно, что так или иначе он привел их в движение, «проквасил», и они уже не могут жить по-старому.

В словах и советах Луки подспудно проявляется идея «непротивления злу насилием». В Крыму Горький говорил Толстому о том, что «любит людей активных, которые желают противиться злу жизни всеми способами, даже и насилием.

— А насилие — главное зло! — воскликнул он, взяв меня под руку» (VII, с. 306).

Так же думает и Лука, поэтому советует Пеплу держаться подальше от Василисы, «не слушать дьяволицу», которая подговаривает его убить мужа. Во 2-м акте Лука предотвращает беду, когда Пепел набрасывается на Костылева, а Лука начинает возиться и стонать на печи.

³² Буддийские притчи // [Электронный ресурс] URL: http://pritchi.ru/id_800.

³³ Голубков М. М. Максим Горький. В помощь преподавателям, старшекласникам и абитуриентам. М.: Изд. МГУ, 1997. С. 72.

«И — опять же — смекнул я, как бы, мол, парень-то не ошибся... не придушил бы старичка-то... <...> часто эдак-то ошибаются...» (VII, с. 144). Мораль рассказа из сибирской жизни также сводится к тому, что не следует прибегать к насилию, когда все можно решить миром. Лука служил сторожем на даче под Томском, когда вдруг в дом полезли воры, угрожая ему топором. Он мог их убить, но пожалел. Оказалось, что это два беглых ссыльных Степан и Яков, которые давно не ели и хотели «хлебца». «Вот те и воры, милая... (смеется)... вот те и с топором!» (VII, с. 154). Лука поселил их у себя, и всю зиму они прожили вместе. «Хорошие мужики оба...» (VII, с. 154), — вспоминает странник. «Не пожалей я их — они бы, может, убили меня... али еще что... А потом суд, да тюрьма, да Сибирь... что толку?» (VII, с. 155). Конечно, убийство в 3-м акте Лука не смог предотвратить, но к этому привел роковой ход событий.

Можно ли обрести счастье в смерти? Таким философским вопросом задавались люди с глубокой древности. Стоики считали, что счастье — в следовании по пути аскезы, в умерщвлении плоти, а смерть — блаженное освобождение от страданий, скептики полагали, что счастье состоит в способности бесстрашно встретить смерть. В свете буддизма совершенно иное значение приобретает финал пьесы — самоубийство Актера и отклик ночлежников на его смерть. С позиции индийской философии самоубийство есть волевой акт, которым человек утверждает себя, свою личность. Здесь уместно привести мысль Шопенгауэра о самоубийстве, как проявлении стоицизма: «Как я понимаю дух стоической этики, ее источник лежит в мысли, не способен ли разум <...> освободить человека от всяких страданий и мук, наполняющих его жизнь. Казалось несовместным с преимуществами разума, чтобы одаренное им существо, <...> было все-таки отдано во власть настоящего и случайностей <...> во власть столь сильных мучений, столь великого страха и страдания, порожденных бурным порывом страстей и желания чего-то избежать; полагали, что надлежащее применение может от этого оградить человека и сделать его неуязвимым. Поэтому и сказал Антисфен: “Надо обрести или разум, или петлю” <...>, т.е. жизнь так полна мук и терзаний, что надо либо возвыситься над нею разумной мыслью, либо уйти из нее»³⁴. Читая «Афоризмы и максимы», Горький отчеркнул место о самоубийцах: «Самоубийца именно потому и перестает жить, что не может перестать хотеть, и воля как раз потому подтверждает себя уничтожением своего явления, что иначе подтвердить себя не может»³⁵.

³⁴ Там же. С. 215.

³⁵ Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы. Т. II. СПб., 1892, С. 13.

У Актера не получилось перестать желать или возвыситься над жизнью разумной мыслью, и он предпочел уйти из нее. В свое время к Горькому было много претензий в отношении финала пьесы. Амфитеатров называл слова Сатина, высказанные в ответ на сообщение о смерти Актера: «Эх... испортил песню... дур-рак» «неожиданным “турецким зверством”», которое «портит песню самому Горькому и настроение минуты, и характер Сатина»³⁶. На самом деле здесь нет никакого зверства, а есть буддийское восприятие смерти. Будда всегда проповедовал, что не надо бояться смерти, надо относиться к ней спокойно и равнодушно, даже если это смерть близких людей. Реакция на смерть Актера перекликается с отношением ночлежников к смерти Анны.

Очень многие черты пьесы роднят ее с произведением «Так говорил Заратустра»³⁷. Ночлежка напоминает пещеру, в которой обитают человеко-звери, которым надлежит стать людьми и впоследствии сверх-человеками. В пьесе очень много рассуждений о том, что такое человек, так как Горького волнует вопрос, создан ли человек для счастья и создано ли счастье для него? В первом акте герои уничтожают друг друга бранными кличками животных «козел ты рыжий», «старая собака», «нечистый дух», «щенок», «свиньи», «звери», «бродячие собаки», «волки» и т.п., т.е. перед нами предстают человеко-звери. Ночлежники живут по тюремному постулату «Человек человеку волк»³⁸, — отмечал Е. Василенко. Лука очеловечивает их. В его речи нет бранных слов, а есть «человеческие»: «народ честной», «девушка», «батюшка», «браток», «голубка», «люди», «человек», «мать», «матушка», «милая», «детынька», «дядя». На это обратил внимание В. Троицкий³⁹. Лука произносит фразу о «лучшем», для которого живет человек и говорит о том, что «человек должен уважать себя». Но уважать себя может тот, кто живет во имя чего-то значительного и высокого. Лука видит смысл

³⁶ Амфитеатров А. В. «На дне» // Амфитеатров А. В. Литературный альбом. 2-е изд., СПб, 1907. С. 61.

³⁷ Басинский П. В. 1) Максим Горький // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов). М.: ИМЛИ РАН, 2001. С. 511–521; 2) Логика гуманизма // Вопросы литературы. 1991. № 2; Злобин В. А. Миф или реальность? К вопросу о «нищенстве» М. Горького // М. Горький и современная советская литература: межвуз. сб. Горький, 1983; Равдин Б. Н. К проблеме «Горький и Ницше» // Четвертые Тыняновские чтения: тез. д-дов. Рига, 1988; Колобаева Л. А. Горький и Ницше // Вопросы литературы. 1990. № 10.

³⁸ Василенко Е. В. Мотив тюрьмы в драме «На дне» М. Горького. С. 17.

³⁹ Троицкий В. Вера и неверие художника (о творчестве М. Горького) // М. Горький. Рассказы, пьесы. М.: Синергия, 2004. С. 27.

земного бытия «в вечном усовершенствовании»⁴⁰, — пишет В. Троицкий, что идет в согласии с учением Ницше о самосовершенствовании человека для его перерастания в сверхчеловека. У Луки идея о том, что рядовой столяр через много поколений подарит миру гениального мастера. Эту идею продолжает и по-своему интерпретирует Сатин, который уже прямо упоминает этих сверхлюдей: Наполеон, Магомед.

Если принимать во внимание философский экзистенциальный смысл пьесы, то это произведение о духовном возрождении, о превращении человека-зверя в сверхчеловека. Счастье, по Горькому, в пробуждении разума в неразумных слепых существах, в осознании себя человеком. Интересную трактовку пьесы дал Горький в письме испанским переводчикам Х. Мелиа и Р. Паломеке от 17 марта 1906 г. Приветствуя перевод пьесы на испанский язык, Горький писал: «Верю, что она может быть полезна в стране, где, как в России, народ утешается надеждой на милости и блага небесные, в то время как на земле он живет в несчастьях, бедности и в затмении разума»⁴¹.

«Каким-то ошеломляющим логическим ходом, Горький показывает, что эти люди испытывают истинное счастье и веселье жизни и чувствуют в себе присутствие Человека, горды и не променяют своё состояние на рабство у корыстных целей и интересов»⁴², — писал Г. Гачев. Отвергнув презренный мир «верха», перейдя в какое-то новое измерение, исполненные верой, внутренне свободные, люди начинают перерождаться. Настя из забитой жертвы превращается в Мефистофеля в юбке, скупой Барон являет своим сожителем чудеса щедрости, Бубнов, угощая всех ночлежников, реализует мечту о бесплатном трактире для бедных, наконец, Сатин высказывает идею о сверхчеловеке. Надо сказать, что обожествление человека, превращение его в высшее существо свойственно буддистскому миропониманию. Поскольку буддизм — это религия без бога, то атеизм вел к антропотейзму. В притче Луки о том, что человек «живет для лучшего человека» угадывается буддийская идея реинкарнации, т. е. перерождения.

Таким образом, Горький привлек основные идеи буддизма — о четырех святых истинах, о мире сансары, или страданий, о желаниях как источнике страданий, призрачном мире Майи, о буддийском спокойствии и нирване, о философии сострадания, о человекобоге. Человек велик, по мысли Горького, так как он может отвергнуть мир Майи, призрачный мир реальности, где господствует «логика вещей», и способен при помощи воли и сознания сотворить новый

⁴⁰ Там же. С. 28–29.

⁴¹ Архив А. М. Горького. Т. 8. С. 230–231.

⁴² Гачев Г. Д. Человек против правды в пьесе «На дне». С. 234.

мир и сделать его более реальным. «Неправда, что жизнь мрачна, — говорит Шебуев в повести Горького «Мужик», — неправда, что в ней только язвы да стоны, горе и слезы! Даже в ее мрачном есть благородное и красивое <...>. В ней не только пошлое, но и героическое, не только грязное, но и светлое, чарующее, красивое. В ней есть все, что захочет найти человек, а в нем — есть сила создать то, чего нет в ней! <...> Жизнь — прекрасна, жизнь — величественное, неукротимое движение ко всеобщему счастью и радости. Я верю в это, я не могу не верить в это!» (V, с. 387–388). Под этими словами Шебуева мог бы подписаться и сам Горький.

Анализ текста пьесы «На дне» с точки зрения востокцентристского поворота дает возможность услышать в этом полифоническом произведении буддийский религиозный голос. На первый взгляд, эта мысль может показаться слишком смелой. Действительно, Горький неоднократно противопоставлял Восток Западу, считая влияние первого губительным для России. В художественном творчестве все обстояло сложнее. Как писатель, творивший в эпоху Серебряного века, Горький был увлечен Востоком, индийской философией, религией и культурой. Сравнение текста «На дне» с буддийскими источниками и книгами, трактующими это учение, вскрывают в пьесе еще один слой, который подлежит семантической дешифровке. Хронологическое совпадение близкого общения с Львом Толстым и периода написания «На дне» подтверждает идею влияния на идейно-тематическое содержание пьесы философии Толстого, в которой буддизм занимал важное место. Восприятие буддизма было у писателей разным. Толстого интересовала, в первую очередь, проповедь сострадания и ненасилия (именно эти черты Горький сделал основными в характере Луки). Горький нашел в буддизме близкую ему теорию страдания, мечту о человекобоге, идею иллюзорности мира. В пьесе «На дне» Горький сделал грань между правдой и ложью, между реальностью и вымыслом очень зыбкой. «На дне» очень важное произведение для формирования мировоззрения Горького, ведь именно с него начинается у писателя «комплекс Луки», убеждение в том, что «не всегда правдой душу вылечишь». Это свойство Горького, проявившееся не только в творчестве, но и в жизненном поведении, в особой философии писателя, неоднократно отмечалось исследователями и мемуаристами⁴³. В. Ходасевич писал

⁴³ Сухих С. И. Заблуждение и прозрение Максима Горького. Н. Новгород, б. и., 2007; Агурский М. Великий еретик: Горький как религиозный мыслитель // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 54–74; Ходасевич В. Воспоминания о Горьком. М.: Правда; библиотека «Огонек», 1989; Данзас Ю. Максим Горький // Минувшее: ист. альм. 1991. Вып. 5.

в своих воспоминаниях о Горьком: «От раннего, написанного в 1893 г. рассказа о возвышенном чиже, “который лгал”, и о дятле, низменном “любителе истины”, вся его литературная, как и вся жизненная деятельность, проникнута сентиментальной любовью ко всем видам лжи и упорной, последовательной нелюбовью к правде»⁴⁴. Поэт подтверждал это признанием из письма Горького Е. Д. Кусковой 1929 г.: «...я искреннейше и непоколебимо ненавижу правду»⁴⁵. Вопрос о том, как повлиял буддизм на горьковский «комплекс Луки» с его «золотым сном», «возвышающим обманом», темной загадочной ненавистью к истине, приоткрывает потаенную сторону личности писателя.

⁴⁴ См.: *Ходасевич В.* Воспоминания о Горьком. М.: Правда, библиотека «Огонек», 1989.

⁴⁵ *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма. Т. 18. С. 212.